

11. Lodwich-Jackowiak, W. «Wierni po wsze czasy»: słowiańskie korzenie praojców / W. Lodwich-Jackowiak // Nadbużańskie Ślawatycze. – 2002. – R. III. – S. 5–26.

12. Lück, K. Die Cholmer und Lubliner Deutschen kehren heim ins Vaterland / K. Lück. – Posen : Historische Gesellschaft im Wartheland, 1940. – 170 p.

13. Nadbużańskie Ślawatycze: pismo Stowarzyszenia Rozwoju Gminy Ślawatycze // Bialska Biblioteka Cyfrowa [website]. – URL: <https://goo.su/czGMi> (date of access: 02.03.2025).

14. Schmidt, H. K. In Ängsten – und siehe, wir leben : Lebenserinnerungen eines Wolhynienpfarrers 1909–2009 / H. K. Schmidt, J. J. Taegert. – Einbeck : ANA-BUCH GmbH, 2016. – 376 p.

Пушкарёва Н.Л.
ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖЕНСКОГО ДНЕВНИКА:
179 ОБЩИХ ТЕТРАДЕЙ С 1933 ПО 2004 гг.¹

Ключевые слова: источники личного происхождения, дневники, историческая антропология, гендерная история, история повседневности.

Введение в оборот таких источников личного происхождения, как женские дневники, – актуальная задача современной исторической антропологии и женской истории [2]. Найденные в Государственном архиве Волгоградской области 179 дневников хирурга З.С. Седельниковой – комплексный документальный источник о повседневной жизни представительницы интеллектуального труда в одном из городов Среднего Поволжья, позволяющий раскрыть бытовые особенности повседневности нестоличного города с позиций женского восприятия.

Автор дневников 60 лет прожила в Волгограде, училась и работала врачом. Была замужем, но детей не имела. В бытовой повседневности ей помогала домработница. Образ мыслей образованной советской женщины, система ее ценностей, повседневные практики позволяют создать картину профессионального и домашнего быта, реконструировать обыденную и праздничную повседневность советского провинциального города такой, какой ее воспринимали нестоличные советские горожанки. Дневник (или лучше сказать *дневники*) содержит подробные описания обеспеченности продовольственными и непродовольственными товарами в провинциальном советском городе, жилищных условий, домашнего быта (перечислены способы уборки, нехитрые рецепты, сохранившиеся в устной традиции или заимствованные из газет и журналов), впечатления от проведенного досуга, отношений с близкими и друзьями.

Эмоциональное, иногда поэтическое описание событий (автор рифмовала и сохраняла в дневнике стихи), явленное через призму женского социального опыта, позволяет воссоздать советский женский быт, а фотографии, вырезки из газет и календарей, телеграммы, письма, театральные буклеты, билеты на мероприятия, лоскутки тканей, гербарий – проанализировать самосознание представительницы интеллектуальной элиты советского города

Имя хирурга Зинаиды Сергеевны Седельниковой (1920–2006) впервые прозвучало 25 лет назад в связи с публикацией ею своих записей о жизни в блокадном Ленинграде [5]. Тогда она решила передать в Государственный архив Волгоградской области дневники, что вела с 13-ти лет, – 179 «общих тетрадей» в коленкором переплете. Доступ к первой части (тетради 1–145 за 1933–1992 гг.) был, по условию автора, ограничен вначале 1999-м, затем 2005-м г.; она продолжала вести записи, ощущая, что это имеет «большую научную и историческую ценность» [1, оп. 6]. В 2006 г. поступила новая порция (тетради 146–173 за 1992–2002 гг.), позже – дневники последних лет жизни автора (тетради 174–179 за 2002–2004 гг.). Эвристический потенциал редкой находки можно оценить, анализируя исследо-

¹ Поддержано РНФ, грант № 24-78-10005 «Женский голос российской науки 1800–1980-х гг.».

вания по источниковедению советских женских эгодокументов: тема эта пока мало разработана [4; 6; 7].

Из 179 тетрадей мы взяли проанализировать лишь скромную часть относящихся к периоду политической оттепели, «открывшей» людям ценности частной жизни: тетради №№ 35–85 в клетку и линейку в коленкоровой обложке синего или коричневого цвета, охватившие 1951–1969 гг. Каждая пронумерована автором, указаны хронологические рамки и место записей; пагинация сделана архивистами. Толщина каждого дневника от 70 до 110 листов с разным числом вклеек, вкладок, иногда за год писалось до 300 страниц. Простоев более 3 дней не случалось – и перед читателем предстает целостная хроника провинциальной жизни 1950–1960-х гг., в которой даже покупка тетрадок была проблемой: «Совсем нет бумаги, не на чем писать» (2.12.1951); «заходила в универмаг, нет тетрадей полуобших, какие искала» (3.03.1961) [1, оп. 6, д. 13, л. 138; д. 26, л. 5]. Записи велись синими чернилами и карандашами (простым, цветными); встречаются ошибки (*на износ, полдня*), пропущенные запятые редки. Дневники перечитывались, иногда вслух («Я пол-дня шила, а вечер отдала Зиночке, с ней читали отрывки из моих дневников») [1, оп. 6, д. 14, л. 147]. Имеются поздние вставки, сделанные, возможно, перед сдачей в архив. Важные события выделены цветным карандашом, иные записи перечеркнуты, есть заштрихованные ручкой, и не читаемы.

Язык записей – русский, в нем нет интерференций из иных языков, хотя место действия – Волгоград – локус переплетенных культурных традиций (русские, немцы, народы Поволжья). Литературность стиля объяснима высшим образованием З.С. Седельниковой, ученой степенью и желанием постоянно расширять кругозор (в каждой тетради есть список прочтенных книг и тех, что стоит прочесть, встречаются отрывки литературных произведений, иногда автор рифмовала сама). Во всех 50 тетрадях есть списки просмотренных фильмов, спектаклей. Восхищает стремление автора структурировать написанное, размещая в конце страничку «Вместо оглавления» с хронологическим списком важнейших событий, систематизм записей адресов и телефонов, популярных песен и кулинарных рецептов.

На обложках некоторых тетрадей – карман для фотографий, записок, листков отрывного календаря; внутри дневников немало вклеенных телеграмм и театральных программ. Лоскутки тканей от недавно сшитого платья, высушенные цветы после запомнившейся прогулки – типичные артефакты женской повседневной культуры, трепетно собранные и немислимые в дневниках мужчин, помогают «прикоснуться» к написанной истории.

Из текстов более ранних дневников читатель узнает, что З.С. Седельникова жила с 1933 по 1946 гг. в Устюге (где родилась), потом в Ленинграде, Ульяновске, Москве, Новогрудке. Похоронив в юности мать, пережив развод с первым мужем, поступила в ординатуру в Сталинграде (Волгограде) в 1951 г., где и осталась до конца дней. Здесь она вновь нашла семейное счастье, выйдя в 1962 г. замуж за инженера-металлурга В.И. Траценко. В мединституте она проработала 25 лет, совмещая преподавательскую деятельность с работой оперирующего хирурга, в 1958 г. стала кандидатом наук [1, оп. 6, д. 142., л. 4]. Детей у нее не было (об этом она сожалела не раз) [1, оп. 6, д. 30, л. 4; д. 106, л. 118.]; компенсацией их отсутствия была общественная активность, множество знакомых из сферы медицины и образования, чьи подробности личных биографий позволяют составить целостную картину образа жизни провинциальной городской интеллигенции, ее духовных запросов и бытовых проблем. «Писать дневник для меня стало такой же потребностью, как сон. Если б не дневники, я чувствовала бы себя совсем одинокой» (10.07.1952) [1, оп. 6, д. 14, л. 53]. Записи отмечены транзитивностью; в 1952 г. автор приватность не ценила, с возрастом отношение к ней изменилось.

Врачу З.С. Седельниковой приходилось нести «массу общественных нагрузок: на кафедре, в масштабе института и города», выделять время для дневниковых признаний было ей трудней, чем, например, историкам, работавшим дома [3, с. 136]. Литературно одаренная, врач Седельникова принадлежала к тому социальному слою советского обще-

ства, чье равнодушие и социальная встроенность характеризуют ментальность российского провинциального города в годы политической оттепели и после нее. Этот социальный слой вслед за западными исследователями «советскости» именуют *petite intelligentsia* («малая интеллигенция») [3, с 3]. Люди из него жили в поле воздействия множества дискурсов: бытовых, пропагандистских, научных. Их конstellации порождали благодарность власти – за достигнутые жизненные вершины, возможность выбраться в крупный город, получить университетское образование. «Малые интеллигенты» разделяли советские культурно-идеологические установки, навсегда сохранив юношеский идеализм и веру в социалистические идеи.

В текстах З.С. Седельниковой мало критических размышлений о политическом устройстве, о Власти, в верхах которой снимали и назначали министров и членов Президиума ЦК КПСС, созывали партсезды. Вдалеке от Москвы рядового врача интересовало лишь то, что касалось ее жизни, зарплат и пенсий в больницах. Идеологическая конформность на фоне полной «безыдейности», обыденности описаний быта – черта этого женского дневника.

О слезах врачей и сестер при известии о смерти Сталина как об обстоятельстве, эмоционально окрасившем жизнь больницы, Седельникова написала, но куда больше строк посвятила местному, лично пережитому событию июля 1952 г. – открытию Волго-Донского канала («Тысячи сталинградцев заполняли площадки и лестницы, новый вокзал и причал, встречая делегацию из Москвы. Духовой оркестр, овации, крики приветствия...») [1, оп. 6, д. 14, л. 60]; клеила даже пропуск на мероприятие [1, оп. 6, д. 14, л. 60]. «Идеологически выдержанные» строчки складывались из языковых штампов, очевидно рассчитанных на внешнего читателя. З.С. Седельникова была беспартийной, но, следуя нормам времени, посещала политинформации и сама выступала с лекциями как член общества «Знание». О полёте Ю.А. Гагарина упомянула, В.В. Терешковой по-женски восторгалась.

В то время как интерес к дневникам в изысканиях последнего времени – это интерес к «внутренней эмиграции», протестным настроениям, сопротивлению встроенности в советское общество [9], данный дневник отличен обратным: обыденной вписанностью в житейский контекст, типичным для женских дневников вниманием к «истории себя», своей семье и ее быта [10, р. 6]. Взгляд аналитика просто не успевает за мельканием эпизодов, событий, цен, имен знакомых, подчас никак читателю не представленных. Вся эта пестрая смесь и являет собой удивительный по фактографичности «вариант самоописания советского общества» [6], в котором равноположены события общегосударственной важности и «мелочи жизни». Повторяющихся тематических узлов в дневниках нет, но есть подробный ассортимент покупок с ценами (которые росли), и мы живо представляем жизнь провинциальной советской «врачихи», спешащей домой, где «батареи чуть теплые», «нагруженной двумя полными сумками продуктов» (07.08.1964). [1, оп. 6, д. 30, л. 192; д. 32, л. 78].

«Советская субъективность» на страницах дневника – не более, чем всеобщность стереотипов, распространенных в ближайшем окружении автора: муж, домработницы, знакомые, коллеги. Их характеристики проступают сквозь ткань повествования, как и бытовавшие привычки сна и еды, рождения, разводы, будни и праздники (Новый год, день рождения, ставшее в 1965 г. выходным днем 8 марта), повседневное и праздничное меню. Не забыта и общая черта советской нестоличной повседневности – очереди («В магазине очередь. Недели две как сахар исчез в магазинах» (21.05.1964) [1, оп. 6, д. 30, л. 127].

Это *письмо для себя* – чувства, которые «недовыплеснуты» в других эгодокументах. «Домой ехала в трамвае, который долго ждала, при посадке придавили сзади чемоданом! Сколько мучений ежедневно с этим транспортом!» [1, оп. 6, д. 25, л. 145]. Мужская память в силу стереотипов мужественности не позволила бы центрироваться на *таком*; перед нами – документальное свидетельство женской чувственно-телесной жизни в советском городе с его толчеей, это дневник недомоганий, состояния кожи и ее гигиены, сублимаций скрытых сексуальных интенций. Женское самолюбование, желание судить (и осуждать) других красноречиво характеризует личность автора («Встретила Зину Оськину, говорит,

живет хорошо с 3-м мужем, но “страдает” от самолюбивого характера. Так, значит и это ненадолго, подумала я, нет хуже такого характера» (28.09.1966) [1, оп. 6, д. 33, л. 65].

Представительница городской элиты была капризна в отношениях с домработницами, которые то перерастали в квази-родственные, то в барские: «Жду Дусю к себе. С ней обед будет вовремя и вкусный»; «расстроена паршивым характером Дуси, к обеду подала вчерашнюю уху». Найм прислуги – черта жизни крупных городов; бездетной 35-летней «врачихе» прислуга помогала вести дом, но о ней приходилось и самой заботиться (кормить, одевать, жить в одной комнате, после замужества – в соседних) [11]. Сложные отношения с Дусей были типично домохозяйственными, таковые издревле конструировали сферу «женского»; наравне с мужем, Дуся была для автора самой значимой из близких после смерти матери, повторной женитьбы отца. Трюизм поступков советской женщины проступает в ее привычках: знакомства при стоянии в очередях, налаживание отношений с продавцами, чтобы «отложили» нужное («Вечер ушел на визит к Зине в магазин, очередь за маслом... чеки взяты без очереди»), «доставание» продовольственных и непродовольственных товаров в центральных универмагах перед праздниками: «Вышла из трамвая на пл. Ленина и прошла в универмаг, ни бот, ни шерсти на юбку нет» (26.12.1960) [1, оп. 6, д. 25, л. 161]. Мужчина не стал бы описывать мелкие детали беспорядка в квартире в дни ремонта, сложности с покупкой стройматериалов и влияние этого на работоспособность («В ожидании покраски... окна без штор, столы без салфеток, половина вещей на балконе. Беспорядок в квартире отражается на настроении и работоспособности» (15.09.1954) [1, оп. 6, д. 15., л. 270]. Детальность описания обстановки говорит о вынужденной значимости всего «бытового» для автора.

Читая дневники З.С. Седельниковой, нетрудно ощутить, насколько мало было форм досуга в нестоличном городе всего полвека назад. Современный мир – мир многообразия досуговых активностей; большинство их, включая спорт, служит и для снятия напряжения, канализации аффективного возбуждения. У нашей же горожанки праздник в его релаксационной и компенсаторной функции был мало отличен от отдыха колхозницы: «Для отдыха взяла книгу у соседей»; «Вечером у Клавы смотрели по телевизору киноочерк “Судьба женщины”»; «В театре идет старая вещь, идти некуда, поехали в центр на набережную». Кино, театр, чтение, игра в карты, хождение в гости, купание «за Волгой», пошив одежды, вышивание. Очевидно, что в мире «нехваток и очередей» (Б. Слуцкий) было не до спорта, дискотек и пикников на даче: обыденный мир волгоградского врача выражал «досуговую культуру бедности» [8, с. 43]. Но именно этой обыденностью бедности дневники З.С. Седельниковой и ценны для изучающих женское социальное прошлое. Дело профессиональных историков теперь – максимально использовать эвристический потенциал этого первоклассного источника по истории женской советской провинциальной повседневности.

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. Р-6880 (Дневники).
2. Козлова, Н. Н. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения / Н. Н. Козлова, И. И. Сандомирская. – М.: Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996. – 256 с.
3. Курапова, Е. Р. Дневники академика М. В. Нечкиной как исторический источник / Е. Р. Курапова // Вопросы истории. – 2006. – № 8. – С. 136–143.
4. Савкина, И. Л. «Я же – человек обыкновенный»: анализ двух женских дневников советского времени / И. Л. Савкина // Вестник Пермского университета. – 2015. – № 4 (32). – С. 79–88.
5. Седельникова, З. С. 279 дней войны. Блокадный дневник / З. С. Седельникова. – Волгоград: Ком/по печати, 1995. – 84, [4] с.
6. Симоне-Тенан, Ф. Три российских женских дневника / Ф. Симоне-Тенан // Автобиографическая практика в России и во Франции. – М., 2006. – С. 148–160.
7. Смирнова, Т. М. «Дневник» Любови Шапориной / Т. М. Смирнова // Российская история. – 2013. – № 6. – С. 173–197.
8. Ярошенко, С. С. Синдром бедности / С. С. Ярошенко // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 43–50.
9. Halfin, I. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial / I. Halfin. – Harvard: HUPress, 2003. – 344 p.
10. Heldt, B. Terrible Perfection / B. Heldt. – Bloomington: Indiana University Press, 1987. – 192 p.
11. Kelly, C. A History of Russian Women's Writing 1820–1992 / C. Kelly. – Oxford: Clarendon press, 2005. – XII, 497 p.